

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.072-086

А. Л. Осипов*

Актуальные вопросы применения решений межгосударственных органов по правам человека в уголовном судопроизводстве РФ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы имплементации международных стандартов защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, отраженных в решениях судебных и квазисудебных межгосударственных органов по правам человека. Дается характеристика основных этапов взаимодействия правовой системы РФ с системой международных стандартов, воспринятых через практику ЕСПЧ. Исследуются особенности исполнения актов ЕСПЧ после выхода РФ из Совета Европы. Анализируются правовые основы деятельности и юридические свойства актов квазисудебных органов ООН в контексте оснований для пересмотра национальных судебных решений по уголовным делам. На основе российской судебной практики анализируется правовая модель пересмотра приговоров на основе международных судебных и квазисудебных актов: определяются устойчивые характеристики этой модели, выявляются закономерности имплементации актов квазисудебных органов ООН в российской судебной практике по уголовным делам, определяются факторы, требующие совершенствования этой модели. Делается вывод о том, что существующая модель регулирования этих отношений строится на недостаточно ясных положениях УПК РФ в их интерпретации Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Эта модель не в полной мере учитывает специфику индивидуально-правовых актов межгосударственных органов по правам человека. В заключение статьи предлагается авторская концепция реформы модели возобновления производства по уголовным делам в связи с указанными актами межгосударственных органов по правам человека. В качестве одного из выводов в статье отмечено, что на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в РФ остаются актуальными вопросы имплементации во внутригосударственном праве международных договоров в области прав человека через исполнение решений их контрольных (судебных и квазисудебных) механизмов, наделенных компетенцией рассматривать индивидуальные сообщения жертв предполагаемых нарушений этих договоров.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; имплементация; международные стандарты; ЕСПЧ; квазисудебные органы ООН; Комитет ООН по правам человека; возобновление производства; новые обстоятельства; пересмотр; права человека; уголовное дело; суд.

Для цитирования: *Осипов А. Л.* Актуальные вопросы применения решений межгосударственных органов по правам человека в уголовном судопроизводстве РФ // *Lex russica.* — 2023. — Т. 76. — № 3. — С. 72–86. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.072-086.

© Осипов А. Л., 2023

* *Осипов Артем Леонидович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
osipov1280@mail.ru

Topical Issues of Application of Decisions of Interstate Human Rights Bodies in Criminal Proceedings of the Russian Federation

Artem L. Osipov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
osipov1280@mail.ru

Abstract. The paper deals with the implementation of international standards for the protection of individual rights in criminal proceedings consolidated in the decisions of judicial and quasi-judicial intergovernmental human rights bodies. The author gives a characteristic of the main stages of interaction of the legal system of the Russian Federation with the system of international standards, perceived through the practice of the ECHR. The paper examines features of the execution of the ECHR acts after the Russian Federation withdrew from the Council of Europe. The article analyzes the legal foundations of the activities and legal properties of acts of quasi-judicial bodies of the United Nations in the context of the grounds for reviewing national judicial decisions in criminal cases. On the basis of Russian judicial practice, the legal model of sentence review based on international judicial and quasi-judicial acts is analyzed: the stable characteristics of this model are determined, the patterns of implementation of acts of quasi-judicial bodies of the United Nations in Russian judicial practice in criminal cases are described, the factors requiring improvement of this model are analyzed. It is concluded that the existing model of regulation of these relations is based on insufficiently clear provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in their interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. This model does not fully take into account the specifics of individual legal acts of interstate human rights bodies. In conclusion, the article proposes the author's concept of the reform of the model of resuming criminal proceedings in connection with these acts of interstate human rights bodies. As one of the conclusions, the paper notes that at the present stage of the development of criminal procedure, legislation and the practice of its application in the Russian Federation, the issues of implementation in domestic law of international human rights treaties through the execution of decisions of their control (judicial and quasi-judicial) mechanisms with competence to consider individual reports of victims of alleged violations of these treaties remain relevant.

Keywords: criminal proceedings; implementation; international standards; ECHR; quasi-judicial UN bodies; UN Human Rights Committee; resumption of proceedings; new circumstances; revision; human rights; criminal case; court.

Cite as: Osipov AL. Aktualnye voprosy primeneniya resheniy mezhgosudarstvennykh organov po pravam cheloveka v ugovnom sudoproizvodstve RF [Topical Issues of Application of Decisions of Interstate Human Rights Bodies in Criminal Proceedings of the Russian Federation]. *Lex russica*. 2023;76(3):72-86. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.072-086. (In Russ., abstract in Eng.).

Вопросы имплементации международных стандартов прав личности всегда относились к числу важнейших и сложнейших в теории и практике уголовного судопроизводства. Постоянная новизна этой проблематики связана с эволюцией интерпретации международных норм о правах человека, уточнением их содержания применительно к реалиям текущего момента в практике межгосударственных судебных и квазисудебных органов. Связанная с этим концепция международного договора как «живого инструмента», предполагающая дина-

мическую интерпретацию его текста в ответ на современные вызовы (развитие медицинских и цифровых технологий, противоэпидемические ограничения прав человека и т.п.), per se редко вызывает принципиальные научные возражения, хотя пределы и способы применения этой концепции — вопрос острейших дискуссий¹.

Сфера уголовного судопроизводства — лишь часть правовой системы РФ, и как часть целого она испытывала и продолжает испытывать на себе действие общих закономерностей международно-правового регулирования вну-

¹ См. подробнее: Европейский Суд по правам человека / А. Нуссбергер ; пер. с англ. А. Г. Румянцева. М. : Институт права и публичной политики, 2022 г. С. 97–104 ; *Авхадеев В. Р.* Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации // *Адвокат*. 2016. № 3. С. 13–23.

тригосударственных отношений в контексте конституционного положения о приоритете международных норм при их противоречии с российским законодательством (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Россия является государством — участником многих универсальных и региональных договорных актов о правах человека (либо в качестве государства — продолжателя СССР, либо в самостоятельном качестве). Если говорить о терминологии данных международно-правовых актов, то их содержание выражается достаточно общими и сходными формулировками, обеспечивая конгруэнтность правового воздействия на правовую систему РФ в целом и систему уголовно-процессуального законодательства в частности. Важнейшим источником международных стандартов для российского уголовного судопроизводства являлись положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 вместе с конкретизирующей их прецедентной практикой ЕСПЧ. Несмотря на различные научные мнения о правовой природе и правовых последствиях решений ЕСПЧ для российской правовой системы, предметных и субъектных пределах их обязательности, очевидным является тот факт, что именно под воздействием этих решений сформировались многие современные нормы уголовно-процессуального права, а также подходы к их толкованию и применению в российской судебной практике. Многие уголовно-процессуальные законодательные новации последних 20 лет следовали не только духу, но и букве правовых позиций ЕСПЧ, который для обоснования своих решений нередко использовал совершенно разные международные инструменты в сфере защиты

прав человека (положения Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948, Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966, практику Европейского комитета против пыток, практику Межамериканского суда по правам человека и т.п.). В результате этого законодательство, теория и практика российского уголовного процесса испытывали на себе воздействие согласованной системы международных стандартов в сфере защиты прав личности и постепенно вырабатывали свой ответ на это воздействие в широкой гамме значений: от безусловного принятия до критического противопоставления².

На наш взгляд, можно выделить три основных этапа в истории взаимодействия системы российского уголовного судопроизводства с системой Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — Конвенция). Первый этап ознаменовался принятием федерального закона о ратификации Конвенции, ее вступлением в силу в отношении России с 5 мая 1998 г. и вынесением первых решений ЕСПЧ, отразивших системную проблему ненадлежащих условий содержания заключенных в российских СИЗО³. Решения ЕСПЧ последующего десятилетия выявили системные законодательные проблемы в сфере регулирования применения меры пресечения в виде заключения под стражу⁴, обеспечения права обвиняемого на защиту при получении от него признательных показаний⁵, использовании в доказывании результатов ОРД⁶ и оглашенных в суде показаний неявившихся свидетелей. Под воздействием этой практики ЕСПЧ постепенно менялись положения УПК РФ⁷, иного отраслевого законодательства⁸, обогащалась мотивировочная

² См. подробнее: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор В. П. Кашепов. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Анкил, 2012. С. 122–144.

³ Постановление ЕСПЧ от 15.07.2022 по делу «Калашников против России» (здесь и далее, если не указано иное, судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 30.11.2004 по делу «Кляхин против России».

⁵ Постановление ЕСПЧ от 24.09.2009 по делу «Пищальников против России».

⁶ Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян против России».

⁷ Например, Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ введена статья 6.1 о разумном сроке уголовного судопроизводства. В пояснительной записке к соответствующему законопроекту имеется прямая отсылка к практике ЕСПЧ (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346782-5> (дата обращения: 06.02.2023)).

⁸ Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» введен запрет на провокацию в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

часть решений Конституционного Суда РФ⁹ и Верховного Суда РФ¹⁰, появлялись значимые новации в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, призванные унифицировать подходы к применению норм Конвенции и практики ЕСПЧ в повседневных практиках уголовного судопроизводства¹¹. Своеобразным подведением итогов первого этапа взаимодействия российского и конвенционного правопорядков стало принятие прогрессивного для своего времени постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней». Среди прочего данный документ сделал важный вклад в унификацию подходов к пересмотру приговоров и иных национальных судебных решений по новым обстоятельствам в результате вынесения решений ЕСПЧ, констатирующих нарушение конвенционных прав заявителей. Значимой характеристикой этого этапа взаимодействия двух систем правовых стандартов (национальной и наднациональной) стало отсутствие нормативно-правовых оснований для отказа России от исполнения адресованных ей решений ЕСПЧ.

Второй этап развития диалога между конвенционными стандартами и российской правовой системой (а значит, и системой уголовного судопроизводства) приходится на 2015 г., когда правовой казус, связанный с делом Константина Маркина, привел к выработке Конституционным Судом РФ правовых позиций, допускающих отказ от исполнения в России

решений ЕСПЧ, основанных на противоречащем Конституции РФ толковании положений Конвенции и Протоколов к ней¹². Соответствующие правовые позиции к концу 2015 г. обрели форму законодательной новеллы¹³. Указанные нововведения, став во многом этапным моментом, не оказали существенного влияния на повседневную практику уголовного судопроизводства и даже на успехи имплементации отдельных правовых позиций ЕСПЧ в российское уголовно-процессуальное законодательство. Достаточно вспомнить изменения в правовом режиме оглашения показаний не явившихся в суд свидетелей (ст. 281 УПК РФ), которое теперь в целом ряде случаев стало возможным лишь при условии предоставления подсудимому возможности «оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами»¹⁴. Существенных изменений «имплементационного ландшафта» не вызвали и два последующих постановления Конституционного Суда РФ, которыми были признаны не подлежащими исполнению в РФ постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» и по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России». Данные постановления Конституционного Суда РФ не затрагивали сферы уголовного судопроизводства, где, правда, имелись свои проблемы с исполнением отдельных решений ЕСПЧ¹⁵. Из года в год дублировались сведения в докладах Министерства юстиции РФ о результатах мониторинга правоприменения в РФ одних и тех же решений ЕСПЧ, которые требовали законодательных изменений (например, группа

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П.

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.05.2006 № 952П05 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10.05.2006 № 203п06прк.

¹¹ См.: п. 10–16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П.

¹³ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ.

¹⁴ Федеральный закон от 02.03.2016 № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1314.

¹⁵ Весьма показательна ситуация с исполнением важного для уголовно-процессуальной сферы постановления ЕСПЧ от 23.10.2012 по делу «Пичугин против России». Не усматривая оснований для пересмотра приговора, вынесенного в отношении заявителя в суде с участием присяжных заседателей, а также для коррекции судебной практики в сфере безусловных запретов на участие присяжных заседателей в исследовании определенных типов сведений о личности свидетелей, органы РФ вели достаточно долгую переписку с надзирающими структурами Комитета министров Совета Европы. Результаты этой переписки так и не привели стороны к консенсусу в вопросе о надлежащем завершении исполнения данного постановления ЕСПЧ (URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680a5c386 (дата обращения: 19.02.2023)).

постановлений ЕСПЧ по делам «Ваньян против России», «Свинаренко и Сляднев против России»¹⁶. Несмотря на эти проблемы, неизбежно возникающие при гармонизации национальных и наднациональных правовых подходов, в российской судебной практике рассматриваемого периода времени встречалось немало национальных судебных актов, не только вынесенных в соответствии с духом прецедентных решений ЕСПЧ, но и содержащих прямые отсылки к этим решениям¹⁷. В частности, правовые позиции ЕСПЧ помогли адаптировать российскую судебную практику для решения актуальных проблем обеспечения доступа граждан к правосудию в период действия антипандемийных ограничений¹⁸. Важное значение для этого имели и регулярные обзоры практики ЕСПЧ, публиковавшиеся Верховным Судом РФ (тематические подборки или ежеквартальные обобщения текущей практики ЕСПЧ).

Третий этап взаимодействия системы конвенционных правовых стандартов с системой российского уголовного судопроизводства начинается с момента выхода России из Совета Европы в 2022 г., сопровождавшегося запуском процедуры денонсации Конвенции и выходом России из сферы юрисдикции ЕСПЧ¹⁹. Согласно ст. 2 Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ²⁰ в УПК РФ внесены изменения, вводящие запрет на исполнение в РФ постановлений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г. Статья 1 того же закона исключила из

ст. 413 УПК РФ положения, служившие правовой основой для возобновления производства по уголовному делу в связи с такой разновидностью новых обстоятельств, как установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции. Вместе с тем закон позволяет Президиуму Верховного Суда РФ возобновлять производство и разрешать вопрос о пересмотре российских судебных актов в связи с решениями ЕСПЧ, вступившими в силу до 15 марта 2022 г. Можно условно назвать эту деятельность практикой «переходного периода», важным аспектом которой стал учет времени вступления решений ЕСПЧ в силу. В этот, как и в более ранний, период встречаются случаи отмены Президиумом Верховного Суда РФ приговоров и передачи уголовных дел на новое рассмотрение, например в связи с указанием в приговоре результатов провокационных оперативно-розыскных мероприятий²¹. С другой стороны, стабильно высок процент решений Президиума Верховного Суда РФ, в которых после проверки доказательств, обстоятельств дела и правильности применения национальными судами правовых норм сделан вывод об отсутствии оснований для пересмотра приговоров (при более или менее явной конкуренции подобных выводов с теми выводами, которые содержатся в соответствующих решениях ЕСПЧ²²). Промежуточные судебные решения, вынесенные с нарушением норм Конвенции, чаще всего отменялись с прекращением дальнейшего производства²³.

¹⁶ См.: доклады Министерства юстиции РФ о результатах мониторинга правоприменения в РФ за 2019, 2020, 2021 гг.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-prezidentu-rossijskoj-federacii-o-rezultatah-monitoringa-pravoprimereniya/> (дата обращения: 19.01.2023).

¹⁷ Приговор Адамовского районного суда Оренбургской области от 18.05.2021 по делу № 1-1/2021 ; апелляционное определение 2-го Восточного окружного военного суда от 24.07.2019 № 22-47/2019 ; решение Липецкого областного суда от 13.04.2016 по делу № 3а-100/2016).

¹⁸ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 21.01.2021 по делу № 55-10/2021.

¹⁹ Сам вопрос о дате, с которой РФ перестала быть государством — участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, является дискуссионным. См. подробнее: *Исполинов А. С.* Прекращение международных договоров: буйство красок за рамками Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года // *Международное правосудие.* 2022. № 3. С. 75–95.

²⁰ Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2022. № 24. Ст. 3940.

²¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.10.2022 № 91П22.

²² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.09.2022 № 49П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.09.2022 № 29П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.07.2022 № 14П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 22.06.2022 № 31П22.

²³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.09.2022 № 70П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14.09.2022 № 54П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.07.2022 № 40П22 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.06.2022 № 39-П22.

Таким образом, в переходный к денонсации положений Конвенции период времени практика Верховного Суда РФ, связанная с возобновлением производства по уголовным делам на основе актов ЕСПЧ, характеризуется следующими параметрами:

- обязательным учетом времени вступления решений ЕСПЧ в силу;
- использованием значительной свободы усмотрения в определении причинно-следственной связи между выводами ЕСПЧ о нарушении Конвенции и правосудностью национального судебного акта. В предшествующий период времени Верховный Суд РФ также широко толковал пределы своих полномочий в определении этой взаимосвязи как важнейшего правового условия для пересмотра приговоров;
- при возобновлении производства по новым обстоятельствам в связи с необходимостью пересмотра промежуточных судебных актов Президиум Верховного Суда РФ реже пользуется свободой своего усмотрения в определении указанной причинно-следственной связи. Как правило, промежуточные судебные акты отменяются с прекращением производства по соответствующему вопросу.

Введенный Федеральным законом от 11.06.2022 № 180-ФЗ запрет на исполнение постановлений ЕСПЧ в строгом смысле слова не означает запрета на учет правовых позиций ЕСПЧ в повседневной судебной практике. Ни Комитет министров Совета Европы, ни представители государств — участников Совета Европы на так называемых конференциях высокого уровня, собиравшихся по поводу выработки принципиальных подходов к реформированию ЕСПЧ, ни «высшие» суды РФ никогда не отождествляли термины «имплементация» (implementation) и «исполнение» (execution) актов ЕСПЧ. Понятие имплементации Конвенции носит комплексный характер и включает в себя, помимо исполнения решений ЕСПЧ, ограниченных предметными и субъектными

пределами, учет правовых позиций ЕСПЧ при рассмотрении судами аналогичных дел²⁴. Более широкое осмысление термина «имплементация» связано с доктриной учета последующей практики применения международного договора для целей его правильного истолкования (п. «b» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969). Именно из этой более широкой концепции учета правовых позиций ЕСПЧ исходил и Пленум Верховного Суда РФ, когда в профильном постановлении разъяснил, что при аналогичности обстоятельств дел «судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств — участников Конвенции»²⁵.

На доктринальном уровне при всем разнообразии подходов к пониманию правовой природы решений ЕСПЧ их имплементация в смысле «учета» соответствующих правовых позиций никогда не отождествлялась с исполнением решений ЕСПЧ в отношении конкретных заявителей. Авторы одного из наиболее полных современных исследований проблематики имплементации актов ЕСПЧ в РФ приходят к выводу, что на государствах — участниках Конвенции «лежит два имплементационных обязательства: по соблюдению самой Конвенции и по соблюдению постановлений, вынесенных ЕСПЧ по делу, стороной которого является государство»²⁶. Во втором случае речь идет об исполнении решений ЕСПЧ в соответствии с национальным законодательством. Те же авторы полагают, что «постановление ЕСПЧ как объект внутригосударственной имплементации носит сложный характер, объединяющий элементы типичного международного судебного акта и элементы юридически обязательного толкования, которое государства-участники обязаны принимать во внимание и при необходимости принимать меры в рамках своей компетенции для его соблюдения»²⁷. Отсюда следует, что имплементация акта ЕСПЧ выходит за рамки

²⁴ Именно в этом смысле слово implementation употребляется п. 16 Копенгагенской декларации, принятой по итогам конференции высокого уровня 12–13 апреля 2018 г. (URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Copenhagen_Declaration_ENG.pdf (дата обращения: 19.01.2022)).

²⁵ П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21.

²⁶ Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.] ; под общ. ред. В. В. Лазарева. М. : ИзисП : Норма, Инфра-М, 2019. С. 33.

²⁷ Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе... С. 43.

прямого исполнения его резолютивной части путем применения мер индивидуального характера, направленных на возмещение вреда и восстановление в правах конкретного заявителя. Прецедентное значение устойчивых выводов ЕСПЧ в сфере толкования положений Конвенции и Протоколов к ней (*general principals*) предполагает необходимость их учета в правоприменении по делам со сходным фактическим составом. То, что правовые позиции ЕСПЧ могут учитываться в правовой системе государства даже в ситуации, когда нормы Конвенции там не действуют, подтверждает практика Конституционного Суда РФ, в которой имеются ссылки на акты ЕСПЧ в период времени, предшествовавший ратификации Конвенции Россией²⁸.

Ситуация с учетом правовых позиций ЕСПЧ в переходный период (после прекращения действия Конвенции в отношении РФ) складывается неоднозначно. Анализ судебной практики по уголовным делам показывает, что суды во многих случаях допускают отсылки к практике ЕСПЧ в мотивировочной части своих решений. С юридико-технической точки зрения такие отсылки могут выглядеть различно: обобщенная ссылка на практику ЕСПЧ без конкретизации реквизитов отдельных решений²⁹; ссылки на конкретные решения ЕСПЧ и (или) конкретные статьи Конвенции³⁰. Эта практика подтверждает правовую значимость соответствующих позиций ЕСПЧ, невозможность отказаться от их учета в правоприменении одномоментно и безусловно. Тем не менее выход России из сферы юрисдикции ЕСПЧ актуализирует поиск оптимальных правовых моделей имплементации в российском уголовном судопроизводстве актов иных международных механизмов защиты прав человека. Важнейшую роль среди этих механизмов играет практика квазисудебных органов ООН в сфере разъяснения и применения положений универсальных международных актов по правам человека. Как известно, некоторые

квазисудебные межгосударственные органы уполномочены принимать и рассматривать индивидуальные сообщения лиц, чьи права и свободы, предусмотренные соответствующими международными договорами, предположительно нарушены национальными органами власти. С учетом специфики уголовного судопроизводства наибольшей востребованностью у заявителей пользуются те международные инструменты, которые защищают базовые гражданские права личности (право не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, запрет дискриминации). В наиболее системном и подробном виде каталог этих прав закреплен в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16.12.1966 (далее — Пакт). Действующий в целях контроля за исполнением данного международного договора Комитет по правам человека (далее — КПЧ ООН) на данный момент рассмотрел немало число обращений граждан РФ о нарушении их прав в сфере уголовно-процессуальных отношений. Возникает закономерный вопрос о возможностях по имплементации вынесенных КПЧ ООН актов (так называемых сообщений), их правовой природе и степени обязательности для российских правоприменительных органов. Ни в самом Пакте, ни в Факультативном протоколе к нему четко не определены ни юридическая сила «сообщений» КПЧ ООН, ни правовые последствия их игнорирования со стороны государства-адресата. Пытаясь разъяснить этот вопрос в своих «замечаниях общего характера», сам КПЧ ООН начал с того, что его «сообщения» обладают некоторыми свойствами судебных актов (они выносятся с соблюдением гарантий независимости и беспристрастности членов Комитета, связаны с интерпретацией положений Пакта, а их выводы носят определяющий характер). В этой связи правовую сущность своих

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.1997 № 16-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П.

²⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 № 77-3382/2022, 77-3855/2022 ; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 № 88-12278/2022 ; постановление Ленинского районного суда города Курска от 04.07.2022 № 10-29/3/2022 ; апелляционное определение Рязанского областного суда от 17.10.2022 № 22-954/2022 ; апелляционное определение Владимирского областного суда от 09.08.2022 по делу № 22-1634/2022.

³⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2022 по делу № 88-15826/2022, 2-3444/2021 ; кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2022 № 77-1762/2022 ; апелляционное определение Московского областного суда от 28.07.2022 № 22-5047/2022 ; приговор Кировского районного суда города Саратова от 29.06.2022 по делу № 1-204/2022.

«соображений» КПЧ ООН определил как «авторитетное определение» органа, учрежденного в соответствии с Пактом и наделенного компетенцией по интерпретации его положений³¹. В тех же «замечаниях общего характера» КПЧ ООН постулирует, что обязанность конкретного государства взаимодействовать с Комитетом основана на принципе добросовестности исполнения международных обязательств. Отказ государства имплементировать «соображения» Комитета придается публичной огласке за счет публикации сведений о нем в ежегодном отчете Комитета перед Генеральной Ассамблеей ООН. Вместе с тем сам КПЧ ООН признает, что большинство государств — участников Пакта не имеют специального законодательства, регулирующего исполнение «соображений» Комитета в своем внутреннем правопорядке, а последствия неисполнения данных «соображений» заключаются в установлении и развитии дипломатического диалога между специальным докладчиком Комитета и властями соответствующего государства. В других «замечаниях общего характера» КПЧ ООН высказался относительно своих полномочий конкретизировать меры правовой защиты и восстановления интересов лиц, пострадавших в результате нарушения государствами положений Пакта. Комитет в своей практике не раз включал в текст своих «соображений» указания на необходимость применения индивидуальных средств правовой защиты потерпевших (выплата им надлежащей компенсации вреда, иные виды реабилитации), а также мер общего характера по изменению законов и правоприменительной практики соответствующего государства. По делам о пытках и других формах бесчеловечного обращения

Комитет упоминает об обязательности производства внутригосударственного расследования по каждому факту предполагаемого нарушения положений Пакта и о запрете освобождения официальных лиц от личной ответственности за такие нарушения³².

Текущая практика КПЧ ООН иллюстрирует указанные положения различными примерами определения характера и объема рекомендаций, адресованных государству в резолютивной части «соображений». В некоторых актах Комитета содержатся общие ссылки на обязанность государства (в том числе РФ) предоставить заявителю эффективное восстановление в нарушенных правах, включая право на справедливую и надлежащую компенсацию причиненного вреда³³. В других «соображениях» Комитета характер обязательств государства по восстановлению нарушенных прав заявителя уточняется: провести скорое, эффективное, всестороннее, независимое и транспарентное расследование утверждений заявителя о пытках и обеспечить наказание ответственных за это лиц³⁴; пересмотреть вынесенные в отношении заявителя судебные решения³⁵.

Имеются и иные договорные органы ООН, обладающие юрисдикцией выносить решения, рекомендуемые государству-адресату предпринимать определенные меры превентивного и компенсаторного характера, в том числе в сфере уголовно-процессуальных отношений. Существует практика Комитета против пыток, который неоднократно выносил «соображения», обязывавшие Россию провести эффективное расследование утверждений заявителей о полицейском насилии в связи с производством по уголовным делам, а также отменить состо-

³¹ Замечания общего характера КПЧ ООН № 33, принятые в рамках 94-й сессии КПЧ ООН, Женева, 13–31 октября 2008 г. // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspxLang=en&TreatyID=8&DocTypeID=11 (дата обращения: 06.02.2023).

³² Замечание общего характера КПЧ ООН № 31, принятые в рамках 80-й сессии КПЧ ООН, Женева, 29 марта 2004 г. // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspxLang=en&TreatyID=8&DocTypeID=11 (дата обращения: 06.02.2023).

³³ Соображения Комитета ООН по правам человека по сообщению Сергея Сотника от 25.10.2014 № 2478/2014 // База данных решений договорных органов ООН. URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 27.01.2023).

³⁴ Соображения Комитета ООН по правам человека по сообщениям: Дмитрия Воронкова от 25.10.2022 № 2951/2017 ; Владимира Васильевича Непорожного от 11.03.2016 № 1941/2010 ; Ризвана Тайсумова и других от 11.03.2020 // База данных решений договорных органов ООН. URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 27.01.2023).

³⁵ Соображения Комитета ООН по правам человека по сообщению Игоря Костина от 21.03.2017 № 2496/2014 // База данных решений договорных органов ООН. URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 27.01.2023).

являвшиеся судебные решения, основанные на недобровольных показаниях осужденных³⁶. Еще одним договорным органом ООН, обладающим юрисдикцией в отношении РФ, является Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Его решения в отношении России зачастую затрагивают вопросы неэффективного расследования случаев криминального насилия, вызванного гендерной дискриминацией³⁷.

Важное правовое значение в сфере исполнения международно-договорных обязательств РФ имеют также «мнения» и «рекомендации», принятые в рамках так называемых специальных процедур Совета ООН по правам человека, включая деятельность Рабочей группы по произвольным задержаниям. Среди «мнений» независимых экспертов данной специальной процедуры в отношении ситуаций с российскими гражданами нередко содержались выводы о необходимости немедленного освобождения лиц из-под стражи, прекращения их уголовного преследования и присуждения им справедливой компенсации причиненного вреда³⁸.

Окончательные акты квазисудебных органов ООН могут иметь различное правовое значение как друг относительно друга, так и в соотношении с актами наднациональных судебных органов, действующих на постоянной основе. В отличие от актов ЕСПЧ, решения этих органов никогда не именуется судебными актами (judgements) в строгом смысле слова³⁹. Означает ли это, что подход национального законодателя и правоприменителя к исполнению этих актов должен быть принципиально иным, чем это было в случае с решениями ЕСПЧ (с учетом ведущихся дискуссий о принципиальной воз-

можности для государства отказаться от исполнения актов международных судебных и квазисудебных институтов)?⁴⁰ Каким образом всё многообразие этих квазисудебных актов соотносится с концепцией «новых обстоятельств» и иными правовыми основаниями для возобновления производства по уголовным делам и пересмотра вступивших в законную силу национальных судебных решений? Представляется, что ответы на эти вопросы связаны как с правовыми свойствами решений соответствующих органов ООН, так и с универсальными принципами международного договорного права в их конституционно-правовом истолковании.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ отсутствие в официальных документах положений, определяющих значение «соображений» КПЧ ООН, не освобождает Российскую Федерацию от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств. «Соображениям» этого Комитета Конституционный Суд РФ придает значение достаточного повода для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Пакта не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц⁴¹.

Сходную правовую позицию Конституционный Суд РФ выработал и в отношении «мнений» Рабочей группы по произвольным

³⁶ Соображение Комитета ООН против пыток по сообщению Данила Габдулхакова от 17.05.2018 № 637/2014 // База данных решений договорных органов ООН. URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 27.01.2023).

³⁷ См., например: соображения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по сообщению № 91/2015 // База данных решений договорных органов ООН. URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 27.01.2023).

³⁸ Мнение № 34/2019 относительно Владимира Алушкина, принятое Рабочей группой по произвольным задержаниям на ее 85-й сессии, 12–16 августа 2019 г. // База данных решений Рабочей группы по произвольным задержаниям. URL: <https://wgad-opinions.ohchr.org/search/results> (дата обращения: 31.01.2023).

³⁹ Справедливости ради нужно отметить, что на терминологическом уровне высокий авторитет этих решений подчеркивается словом *jurisprudence* в поисковой системе базы данных квазисудебных органов ООН. См.: URL: <https://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴⁰ Подробнее об этих дискуссиях см.: *Кривенкова М. В.* Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов как право государства // *Российский судья*. 2020. № 9. С. 41–45.

⁴¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1248-О.

задержаниям Совета ООН по правам человека. Эти «мнения» «сами по себе не обязывают Российскую Федерацию безусловно и полностью признать установленные Рабочей группой факты, их правовую квалификацию или выполнить заведомо определенные процессуальные действия, такие как отмена или пересмотр состоявшихся по уголовному делу судебных решений»⁴². Там же отмечено, что полномочия предписывать заинтересованному государству какие-либо действия мандатом Рабочей группы (как и иными институтами Совета ООН по правам человека) не предусмотрены. Несколькими годами позже Конституционный Суд РФ уточнил, что «мнения» Рабочей группы по произвольным задержаниям могут стать «поводом, достаточным для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные нарушения нашли подтверждение, убедительно не опровергнуты и если их устранение невозможно без пересмотра вступившего в законную силу приговора (определения, постановления)»⁴³. Данный подход органа конституционного контроля предполагает условную допустимость пересмотра национальных судебных решений на основе «соображений» КПЧ ООН, а также «мнений» Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека через механизм возобновления производства по уголовным делам по новым обстоятельствам с широкими пределами дискреции прокурора в оценке доказанности и существенности фактических обстоятельств, положенных в основу этих актов органов ООН. Аргументация органа конституционного контроля при этом в качестве одной из исходных посылок допускает осторожное уподобление актов квазисудебных органов ООН судебным решениям ЕСПЧ, исходя прежде всего из сопоставления процедур их вынесения и потенциальных последствий для заявителей. В научной литературе встречается мнение, что решения ЕСПЧ нельзя назвать правоприменительными актами в строгом смысле слова, в связи с отсут-

ствием механизмов принудительного исполнения их предписаний во внутрисудебном праве отдельных государств⁴⁴. Действительно, статья 46 Конвенции говорит об обязательности исполнения окончательных решений ЕСПЧ отдельными государствами — участниками Конвенции, но действие этого положения ослабляется принципом «свободы усмотрения» государства в выборе способов такого исполнения, а также суверенным правом государства обеспечивать сопоставление актов ЕСПЧ с содержанием национальных конституций. В еще большей степени эти аргументы касаются правовой природы актов квазисудебных органов ООН, мандат которых зачастую не основан на положениях международного договора и (или) не обеспечен механизмом привлечения государства к юридической ответственности за игнорирование предписаний-рекомендаций этих актов. Тем не менее правоприменительный статус решений международных судебных и квазисудебных органов остается вопросом дискуссионным. Например, ст. 32 Конвенции недвусмысленно говорит о компетенции ЕСПЧ *применять* положения Конвенции и Протоколов к ней. С другой стороны, положение о применении международно-правовых норм отсутствует в текстах международных актов ООН, составляющих правовую основу деятельности его квазисудебных органов. Это не препятствует некоторым исследователям выделять признаки правоприменительной функции в их деятельности⁴⁵.

Как видно, изложенные аргументы сближают, хотя и не уравнивают юридические свойства актов ЕСПЧ и актов квазисудебных органов ООН, что подспудно может выступать основанием для дифференциации внутрисудебных процедур решения вопроса о возобновлении производства по уголовным делам на основании указанных актов.

Изложенные выше правовые позиции Конституционного Суда РФ были постепенно восприняты Пленумом Верховного Суда РФ⁴⁶. Несмотря на некоторые различия в правовом

⁴² Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2015 № 1276-О.

⁴³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 № 3017-О.

⁴⁴ Белов С. А. Национальный механизм исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (на примере России) // Закон. 2019. № 6. С. 77–92.

⁴⁵ Вайпан Г. В. Исполнять нельзя игнорировать: о юридическом значении Мнений Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям для российского правопорядка // Международное правосудие. 2015. № 3. С. 93–107.

⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 43.

статусе (мандате) КПЧ ООН и Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека, ни Конституционный Суд РФ, ни Верховный Суд РФ не видят необходимости в отражении этих различий в самой процедуре возобновления производства по уголовному делу. В одном из решений Верховного Суда РФ такой же подход был применен в отношении оценки юридических последствий «мнений» Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴⁷. Из этого можно сделать вывод, что подход, сконструированный на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, будет одинаково применяться к решениям («соображениям», «мнениям», «рекомендациям») любых квазисудебных органов ООН (как договорных, так и уставных), имеющих компетенцию рассматривать индивидуальные сообщения в отношении России.

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в отсутствие ясного законодательного регулирования порядка возобновления производства по уголовному делу в связи с актами межгосударственных органов по правам человека уточнили применимую к такому пересмотру правовую модель, которая предусматривает получение прокурором информации о содержании решения соответствующего межгосударственного органа, оценку и (или) проверку прокурором выводов этого решения и вынесение им решения о возбуждении производства по новым обстоятельствам либо об отказе в этом с последующей судебной проверкой выводов прокурора.

Стоит отметить, что урегулированный УПК РФ механизм возобновления производства по уголовному делу на основании судебных

актов ЕСПЧ (то есть на основе сопоставимого правового основания⁴⁸) выглядел совершенно иначе и имел два существенных отличия от описанной выше модели возобновления производства на основании квазисудебных актов органов ООН: во-первых, такое возобновление допускалось только по инициативе представителя судебной, а не прокурорской власти (по представлению Председателя Верховного Суда РФ); во-вторых, такое возобновление в большинстве случаев происходило автоматически⁴⁹, оставляя вопрос о необходимости пересмотра вступивших в силу судебных решений на усмотрение Президиума Верховного Суда РФ (то есть коллегиального состава высшей судебной инстанции в РФ). В случае же с актами квазисудебных органов ООН сам вопрос о допустимости возобновления производства по новым обстоятельствам решается далеко не автоматически и несудебным органом (прокурором). Несмотря на возможность судебного обжалования постановления прокурора об отказе в возбуждении соответствующего производства, такая жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ будет разрешаться единолично судьей районного или гарнизонного военного суда⁵⁰. Даже в случае принятия прокурором постановления о возбуждении производства по уголовному делу по новым обстоятельствам и вынесения им соответствующего заключения оно будет передано для дальнейшего рассмотрения в тот суд, который выносил последнее судебное решение по данному делу. Согласно ст. 417 УПК РФ этим судом не обязательно будет Президиум Верховного Суда РФ⁵¹.

Таким образом, при сопоставимости правовых характеристик судебных актов ЕСПЧ и актов квазисудебных органов ООН для их исполнения

⁴⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.07.2017 № 46-КГ17-24.

⁴⁸ На сопоставимость «соображений» КПЧ ООН с судебными решениями ЕСПЧ для целей пересмотра национальных судебных актов обращалось внимание и в доктрине. См. подробнее: Фагманова Э. И. Механизм возобновления дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам: цели, значение, судебное толкование // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 27–31; № 10. С. 27–30.

⁴⁹ В настоящий момент единственным препятствием, не допускающим автоматическое возбуждение производства по делу в порядке ст. 415 УПК РФ на основании актов ЕСПЧ, является вступление этих актов в силу после 15 марта 2022 г. Это следует из положений Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ.

⁵⁰ Разъяснения относительно подсудности жалоб на постановления прокурора об отказе в возбуждении производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам приводятся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 43.

⁵¹ Нужно отметить, что действующие правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты перед обращением в различные механизмы ООН не предполагают прохождения всех судебных инстанций в РФ вплоть до Верховного Суда РФ. Это тем более актуально для обжалования судебных решений, вынесенных до введения в действие в 2019 г. апелляционных и кассационных судов общей юрисдик-

во внутреннем праве применяются существенно различающиеся по своим процессуальным характеристикам механизмы возобновления производства по уголовному делу. В частности, для актов органов ООН применяется механизм с двумя уровнями дискреционной проверки оснований возобновления производства (на уровне прокурора и на уровне суда) и не предполагающий *sine qua non* итогового рассмотрения этих вопросов в высшей судебной инстанции государства (Верховном Суде РФ).

Более того, анализ текущей судебной практики приводит к выводу, что описанный механизм пересмотра национальных судебных решений на основе актов квазисудебных органов ООН применяется неединообразно. Встречаются случаи, когда такой пересмотр осуществлялся не в рамках производства по новым обстоятельствам, а в рамках надзорного производства, инициированного надзорным представлением Генерального прокурора РФ или его заместителя⁵². Между тем надзорный пересмотр национальных судебных решений со ссылкой на международные индивидуально-правовые акты, принятые после вступления пересматриваемых судебных решений в законную силу, не соответствует правовой сущности данного основания для их пересмотра, поскольку об этом обстоятельстве не было известно национальным судам на момент вынесения ими своих решений. В контексте учения об основаниях пересмотра судебных решений речь здесь идет не о судебной ошибке, которая может являться основанием для пересмотра судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядках, а именно о специфической разновидности новых обстоятельств, ранее не известных национальным судам.

Таким образом, существующая судебная практика пересмотра национальных судебных решений в связи с актами органов ООН отличается непоследовательностью, она не соотносится не только с действовавшей ранее моделью пересмотра судебных решений на основании актов ЕСПЧ, но и с той моделью пересмотра, которая предложена для актов органов ООН в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ. На наш взгляд,

такое положение дел требует более четкого и взвешенного нормативного регулирования, учитывающего специфику квазисудебных актов межгосударственных органов по правам человека в системе основания для пересмотра национальных судебных решений. Предлагаемый механизм уголовно-процессуального регулирования такого пересмотра должен предусматривать возможность и необходимость оценки юридических свойств соответствующего международного индивидуально-правового акта, в том числе предметных и субъектных пределов его действия, характера и степени серьезности выраженных в нем выводов, их фактологической точности и связи с правосудностью состоявшихся по делу национальных судебных решений. Кроме того, с учетом международного характера и специфически сложного содержания таких актов, а также высокого интеллектуального и морального авторитета их авторов — независимых экспертов ООН, представляется, что национальное регулирование пересмотра судебных решений в связи с указанными международными актами должно предусматривать рассмотрение упомянутых выше вопросов на уровне надзорных и судебных органов общенационального уровня. Выбор законодателя в пользу одноступенчатой модели возбуждения производства по новым обстоятельствам в случае с актами ЕСПЧ (Верховный Суд РФ) можно объяснить большей определенностью в понимании их юридической силы, так как юрисдикция ЕСПЧ была признана на законодательном уровне *ipso facto*. В этой связи двухступенчатая модель возобновления производства по уголовным делам в связи с актами органов ООН (прокурор — суд) может быть оправдана именно благодаря неоднозначности и неоднородности юридических свойств этих актов, что отражается даже в их названиях («мнения», «соображения» и т.п.). Ярким достоинством одноступенчатого механизма является экономия времени заявителей — жертв нарушений соответствующего международного акта, которые сразу получают доступ к состязательной процедуре рассмотрения вопроса о возобновлении производства по делу. Вместе с тем с учетом концептуальной неоднородности юридических

ции. Обжалование таких судебных решений для целей соблюдения критериев приемлемости индивидуальных сообщений в договорные органы ООН могло завершиться всего лишь производством в суде апелляционной инстанции, в том числе в суде областного звена.

⁵² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 187П16пр ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10.10.2018 № 128-П18пр.

свойств актов различных органов ООН, а также изменений, уже внесенных в ст. 413 и ст. 415 УПК РФ, следует далее развивать ту двухступенчатую модель, которая предлагается в правовых позициях Конституционного Суда РФ. При этом важно придать ей большую нормативную ясность и исключить саму возможность рассмотрения вопроса о необходимости возбуждения производства по делу в связи с индивидуально-правовым актом межгосударственного органа на уровне прокуратуры города, района или субъекта Федерации. Центр принятия решений об инициировании производства по новым обстоятельствам в такой ситуации должен находиться на уровне Генеральной прокуратуры РФ, что коррелирует и с положениями ч. 4 ст. 39.1 Федерального законп от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁵³, наделяющими Генеральную прокуратуру РФ полномочиями обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о возможности исполнения решений межгосударственных органов.

Можно предложить внести изменения в текст УПК РФ, согласно которым Генеральный прокурор РФ или его заместитель при поступлении к ним информации о вынесенном межгосударственным органом по правам человека решении о нарушении прав конкретных лиц запрашивает копию данного решения, возбуждает производство по уголовному делу по новым обстоятельствам, обеспечивая проверку и оценку сведений, содержащихся в соответствующем решении межгосударственного органа, и отражает результаты этой проверки в заключении о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств или в постановлении о прекращении возбужденного производства. Рассмотрение жалоб на постановления и заключения прокурора по этим вопросам должно быть отнесено к подсудности Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ или Судебной коллегии по делам военнослужащих (в зависимости от подсудности уголовного дела). Заключение Генерального прокурора РФ или его заместителя о необходимости возобновления производства по уголовному делу в такой ситуации должно рассматриваться Президиумом Верховного Суда РФ.

⁵³ СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁵⁴ См.: п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

Крайне желательно внести соответствующие разъяснения и в ведомственные нормативные акты Генеральной прокуратуры РФ, уточнив порядок рассмотрения прокурором информации о принятии межгосударственными органами по правам человека решений, устанавливающих факты нарушений международных норм о правах человека в отношении лиц, находившихся под российской юрисдикцией. Необходимы уточняющие разъяснения и на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Требуется разъяснить критерии оценивания юридических свойств и последствий принятия квазисудебных актов межгосударственных органов по правам человека, процедурные аспекты их исполнения. За основу могут быть взяты те разъяснения Верховного Суда РФ, которые ранее касались критериев пересмотра судебных решений на основании актов ЕСПЧ⁵⁴.

Суммируя выводы проведенного нами исследования, можно отметить следующее:

- 1) на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в РФ остаются актуальными вопросы имплементации во внутригосударственном праве международных договоров в области прав человека через исполнение решений их контрольных (судебных и квазисудебных) механизмов, наделенных компетенцией рассматривать индивидуальные сообщения жертв предполагаемых нарушений этих договоров;
- 2) в связи с прекращением действия в РФ Конвенции о защите прав человека и основных свобод акты ЕСПЧ утрачивают правовое значение новых обстоятельств для пересмотра национальных судебных решений. Существующая практика исполнения актов ЕСПЧ, вступивших в силу до 15 марта 2022 г., носит фрагментарный характер и в содержательном отношении следует тем тенденциям, которые наблюдались в этой сфере до принятия Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ;
- 3) важным источником закрепления международных стандартов защиты прав личности являются акты договорных и уставных квазисудебных органов ООН, которые можно рассматривать как законные, обоснованные,

- но условные основания для возобновления производства по уголовным делам по новым обстоятельствам в РФ. Условность данных оснований проявляется в опосредовании решения вопроса о возобновлении производства по уголовному делу на основании этих актов процедурой оценки их юридических свойств, причинно-следственной связи этих свойств с правосудностью оспариваемых судебных решений и индивидуальной ситуацией заявителя на момент исполнения акта квазисудебного органа ООН;
- 4) существующая модель возобновления производства по уголовным делам в связи с такой категорией новых обстоятельств, как акты межгосударственных органов по правам человека, выстраивается на основе недостаточно ясных положений УПК РФ в их интерпретации Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Эта модель не в полной мере учитывает специфику индивидуально-правовых актов межгосударственных органов по правам человека. На практике эта модель подменяется надзорным производством;
- 5) реформирование упомянутой модели должно строиться исходя из общих принципов уголовного судопроизводства и с учетом специфики юридических свойств актов межгосударственных органов по правам человека. Текущие тенденции развития уголовно-процессуального законодательства позволяют предпочесть правовую модель, в рамках которой инициирование производства по новым обстоятельствам в связи с актами межгосударственных органов по правам человека будет отнесено к исключительной компетенции Генерального прокурора РФ и его заместителей, а принятие решений о самом возобновлении такого производства и пересмотре вступивших в законную силу национальных судебных решений будет возложено законодателем исключительно на Президиум Верховного Суда РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авахдеев В. Р.* Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации // *Адвокат.* — 2016. — № 3. — С. 13–23.
2. *Белов С. А.* Национальный механизм исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (на примере России) // *Закон.* — 2019. — № 6. — С. 77–92.
3. *Вайпан Г. В.* Исполнять нельзя игнорировать: о юридическом значении Мнений Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям для российского правопорядка // *Международное правосудие.* — 2015. — № 3. — С. 93–107.
4. *Европейский Суд по правам человека / А. Нуссбергер ; пер. с англ. А. Г. Румянцева.* — М. : Институт права и публичной политики, 2022. — 260 с.
5. *Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.] ; под общ. ред. В. В. Лазарева.* — М. : ИЗИСП : Норма, Инфра-М, 2019. — 416 с.
6. *Исполинов А. С.* Прекращение международных договоров: буйство красок за рамками Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года // *Международное правосудие.* — 2022. — № 3. — С. 75–95.
7. *Кривенкова М. В.* Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов как право государства // *Российский судья.* — 2020. — № 9. — С. 41–45.
8. *Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор В. П. Кашепов.* — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Анкил, 2012. — 312 с.
9. *Фагманова Э. И.* Механизм возобновления дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам: цели, значение, судебное толкование // *Арбитражный и гражданский процесс.* — 2020. — № 9. — С. 27–31 ; № 10. — С. 27–30.

Материал поступил в редакцию 22 декабря 2022 г.

REFERENCES

1. Avkhadeev VR. Praktika mezhdunarodnykh sudebnykh organov v sfere zashchity prav cheloveka i ee vliyanie na zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii [Practice of international judicial bodies in the sphere of defence of human rights and its influence on the legislation of the Russian Federation]. *Advokat*. 2016;3:13-23. (In Russ.).
2. Belov SA. Natsionalnyy mekhanizm ispolneniya postanovleniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka (na primere Rossii) [National mechanism for the execution of judgments of the European Court of Human Rights (on the example of Russia)]. *Zakon*. 2019;6:77-92. (In Russ.).
3. Vaipan GV. Ispolnyat nelzya ignorirovat: o yuridicheskom znachenii Mneniy Rabochey gruppy OON po proizvolnym zaderzhaniyam dlya rossiyskogo pravoporyadka [It cannot be ignored: on the legal significance of the Opinions of the UN Working Group on Arbitrary Detention for the Russian law and order]. *Meždunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2015;3:93-107. (In Russ.).
4. Nussberger A. The European Court of Human Rights. Trans. from Eng. Rumyantsev AG. Moscow: Institute of Law and Public Policy; 2022. (In Russ.).
5. Khabrieva TYa, Kapustin AYa, Kovler AI, et al. Lazarev VV (ed). Implementatsiya resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v rossiyskoy pravovoy sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniya [Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice of ensuring]. Moscow: IZiSP Publ.; Norm: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).
6. Ispolinov AS. Prekrashchenie mezhdunarodnykh dogovorov: buystvo krasok za ramkami Venskoj konventsii o prave mezhdunarodnykh dogovorov 1969 goda [Termination of international treaties: a riot of colors beyond the Vienna Convention on the Law of Treaties (1969)]. *Meždunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2022;3:75-95. (In Russ.).
7. Krivenkova MV. Nepriзнание i neispolnenie resheniy mezhdunarodnykh sudebnykh organov kak pravo gosudarstva [Non-acknowledgment and non-fulfillment of judgments of international judicial authorities as a right of a state]. *The Russian Judge*. 2020;9(41-45). (In Russ.).
8. Kashenov VP (ed.) Mezhdunarodno-pravovye standarty v ugovnoy yustitsii Rossiyskoy Federatsii [International legal standards in criminal justice of the Russian Federation]. Moscow; IZiSP, «Ankil» Publ.; 2012. (In Russ.).
9. Fagmanova EI. Mekhanizm vozobnovleniya del po novym i vnov otkryvshimsya obstoitelstvam: tseli, znachenie, sudebnoe tolkovanie [Mechanism for resuming cases on new and newly discovered circumstances: goals, significance, judicial interpretation]. *Arbitrazh and CivilProcedure*. 2020;9:27-31; 10:27-30. (In Russ.).